

Преподобный Максим Грек

Путь к иночеству

Треподобный Максим Грек появился на свет в 1475 году, через два с лишком десятилетия после падения Константинополя. По происхождению он был грек. Родители Максима, Мануил и Ирина, исповедовали христианство. Отец известен как состоятельный, просвещенный сановник греческого селения Арта.

В юности Максим получил превосходное, разностороннее образование. В тот исторический период множество греков стремилось на Запад. На Западе, в Италии, волею Божьей оказался и Максим. В то время Италия была наводнена вольнодумцами; многие её жители не гнушались астрологией и суеверием.

Как впоследствии признавался Максим Грек, он имел опыт знакомства с различными учениями. Однако это знакомство не смогло истребить в нём зачатков истинной веры. Путешествуя по Европе, помимо Италии Максим побывал и в других европейских краях. Длительное пребывание в этих землях способствовало освоению им европейских языков.

Перед Максимом лежали большие возможности: при желании и надлежащем усердии он мог достигнуть завидного положения в обществе, славы, карьерных высот. Но сердце влекло его к совершенно другой жизни.

Оставив бессмысленную суету, Максим отправился на Афон и поступил в Ватопедскую обитель.

Зная о его опыте общения с Западной культурой, первое время братья относились к нему настороженно, но впоследствии Максим самым делом доказал преданность Православию.

Дорога на Русь

К тому времени на Руси горячо обсуждалась проблематика, связанная с имущественной стороной жизни монастырей. Разобраться в этом вопросе могли помочь хранившиеся в княжеской библиотеке греческие книги, неискаженные вольной интерпретацией, но в Москве не нашлось грамотных переводчиков.

В начале XVI века к Афонскому руководству прибыло посольство от Великого князя Василия Иоанновича, просившего отправить на Русь образованного грека, знающего языки. Выяснилось, что в обители Ватопед есть такой человек, подвижник Савва.

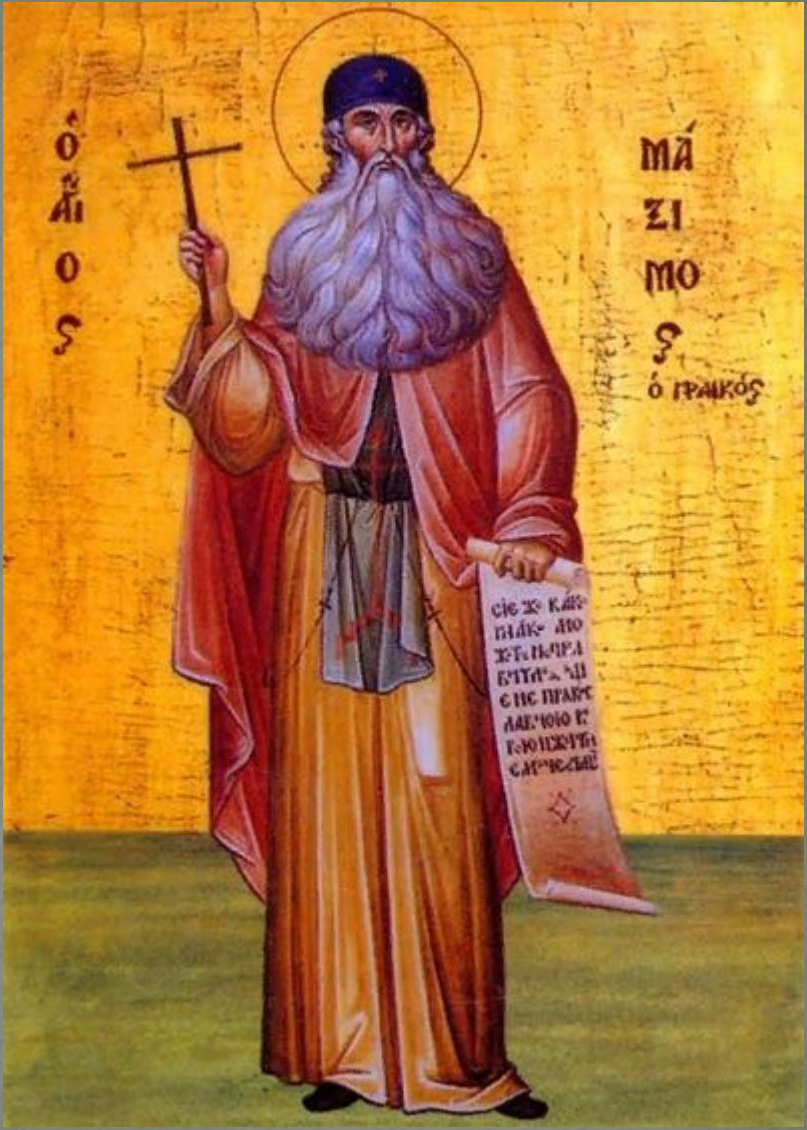
Однако тот, в виду старческой немощи и болезни, уклонился от предложения ехать в далёкую страну.

Тогда Протат обратил внимание княжеских послов на Максима, подвизавшегося в том же монастыре, незаурядного инока, знатока Божественных и святоотеческих Писаний. Для исполнения миссии Максим оказался подходящей кандидатурой во всех смыслах. Единственное, что могло смутить русскую сторону: инок Максим не владел славяно-русским языком. Но на это Афонское руководство выразило надежду, что он его обязательно освоит.

В качестве помощников Максиму выделили двух писцов, из которых один был болгарин, знавшим церковно-славянский. На болгарина возлагалась обязанность быть переводчиком и учителем Максима.

Путь до Москвы оказался не быстрым: в силу различных причин путешествие затянулось и продлилось около двух лет.

В 1516 году путешественники задержались в Константинополе. Затем добрались до Крымского полуострова, попали в Перекоп, к крымскому хану. В пути группу сопровождало турецкое посольство. Наконец, в 1518 году путники достигли Москвы.

Московский период

Московская власть, в лице Великого князя, митрополита и прочих служителей, встретила учёных с почётом. Всех расположили в Чудовой обители, а пищу для трапезы им поставляли от княжеской кухни.

Для переводов и записи текстов к афонцам приставили двух толмачей: инока Власия и Дмитрия Герасимова. Последний хорошо знал немецкий и латынь. Таким образом, перед Максимом лежала возможность переводить книги с греческого языка на тот, с которого, затем, другой переводчик переводил бы на русский.

Кроме того в помощь Максиму предали двух каллиграфов: инока Силуана и Михаила Медоварцева. Впоследствии Силуан сделался верным учеником и последователем Максима Грека.

Работа спорилась: трудились с энтузиазмом и осознанием важности миссии. Менее чем за полтора года перевели объёмную по содержанию Книгу «Толковая Псалтирь». В то же время осуществляли и другие переводы.

По завершении требуемой работы учёные стали просить у начальства отпустить их домой. Домой отпустили лишь двух соратников Максима, а его самого удержали: работы для переводов было достаточно, к тому же на повестке дня стоял важный вопрос по сличению текстов богослужебных книг, согласованию двух церковных Уставов, Иерусалимского и Студийского.

По роду своей деятельности на Руси Максим занимался не только переводами, но и правкой содержания текстов. Хорошо разбираясь в Писании и святоотеческой литературе, он нередко указывал на ошибки, содержащиеся в тех или иных книгах.

Со временем к Максиму стали обращаться за советами по самым разным религиозным вопросам, а иногда он лично указывал церковным иерархам на несоответствие их действий христианским традициям. Выражая своё несогласие, с авторитетностью зрелого богослова и простотой инока, он делал это без излишней дипломатичности, что вызывало встречное недовольство.

Несмотря на принципиальность позиции Максима Грека относительно нарушений традиций, митрополит Варлаам в целом оценивал его деятельность положительно. Многие изменилось в 1522 году, после возведения на место Варлаама - Даниила.

В этот период Максим решительно восставал против вольностей папского легата Шомберга, развернувшего активную агитационно-пропагандистскую деятельность в пользу папизма с попустительством, если не сказать большего, светских и духовных властей.

В 1523 году Максим закончил переводить Толкования святого Иоанна Златоуста на Святые Евангелия. Митрополит Даниил предложил ему перевести сочинение блаженного Феодорита Кирского по церковной истории, но Максим, неожиданно для владыки, ответил категоричным отказом, ввиду наличия в этом произведении писем еретиков: Ария и Нестория.

Максим был не только учёным с Афона, но и иноком, Даниил же - митрополитом (причём не бесстрастным). И конечно же, он воспринял это непослушание как личное оскорбление.

В другой раз Максим возмутил его, когда стал указывать, что-де инокам вредит обладание недвижимым имуществом.

В 1524 году Максим Грек, несогласный с желанием Великого князя расстаться с бесплодной женой Соломонией и связать себя браком с другой (ради наследника), не устрасился ожидаемого княжеского гнева и, ссылаясь на Святое Евангелие, открыто высказал своё несогласие.

Ситуация обострилась. Ни церковная, ни светская власть не могли смотреть на такое поведение инокa сквозь пальцы. Увлеченность Максима работой не способствовала должному знакомству с русским менталитетом, особенностями придворной морали и этики. То, что он считал необходимым следованием духу Предания Церкви, власть интерпретировала как вольнодумство, вызов, бунтарство. В результате, в 1525 году Максима заковали в кандалы и бросили в темницу Симоновского монастыря.

Для того, чтобы оправдать себя в глазах окружающих (а возможно, и перед голосом совести), князь и митрополит стали искать для Максима формальных обвинений. Поиски увенчались успехом. Со стороны митрополита Максима упрекнули в порче книг и ереси, а со стороны князя - в злоумышлении против государства: в связях с турецкими пашами и подстрекательстве султана к войне против Руси.

Опала

После «суда» Максима, как если бы он и действительно был врагом Церкви и русского народа, отконвоировали в Волоколамскую темницу. Здесь преподобный терпел от братьев по вере оскорбления, побои, морение смрадом и дымом. Мучения узника были настолько жестокими, что, как сообщается в летописи, доводили его до состояния омертвения.

Но Господь не покидал Своего святого. Однажды Максим был утешен и ободрен Небесным вестником. Явившийся ему ангел произнёс: «терпи, старец!». И старец терпел. На стенах камеры он записал углём текст канона Утешителю; молился, читая этот канон.

Шли годы. Через шесть лет власти вспомнили о Максиме, чтобы востребовать его на очередной суд. На этот раз искали оправдания издевательствам, которым подвергался святой.

Нашлись и клеветники. История сохранила их имена: поп Василий, протопоп Афанасий, протодьякон Чушка, каллиграф Медоварцев. Суд обвинил преподобного в хуле на священные русские книги.

Максим Грек, пытаясь объясниться, утверждал, что многие книги и действительно испорчены либо некорректными переводами, либо неточной перепиской, а значит нуждаются в исправлении.

Повергаясь перед собравшимися, он кротко и смиренно взывал к милосердию, умолял о помиловании, просил по-христиански простить его за возможные ошибки, которые он, немощный, мог допустить в работе над книгами.

После суда Максима доставили в Тверь, под архиерейский надзор епископа Акакия. Акакий не отличался чрезмерной суровостью и поначалу относился к Максиму более или менее снисходительно.

В 1534 году, после кончины Великого князя Василия, блеснул луч надежды на скорое снятие опалы. В этот период Максим, в знак верности Православию, составил «Исповедание веры». Но его положение не улучшилось, а напротив, ещё больше ухудшилось: епископ Акакий рассерчал на него за слова чистой, не сглаженной лицемерием правды

Смягчение положения

В 1538 году в опалу попал Даниил, и его заточили в темницу, как когда-то и он заточил святого Максима. Последний, желая умиротворить их взаимные отношения, отписал ему несколько добрых, полных смирения слов.

В то же время Максим обращался через послания к новому митрополиту, Иоасафу, к боярам, стоявшим у кормила руководства страной по малолетству правителя. В результате преподобному было дозволено посещать Божий храм и причащаться Святых Даров.

В 1545 году к царю обратились Восточные Патриархи: просили позволить Максиму возвратиться на Афон. Но просьба была отклонена.

В 1551 году, по просьбе дружелюбно настроенных к нему бояр и ходатайству Троицкого игумена Артемия, царь освободил преподобного из тверского заключения и дозволил ему перебраться в Сергиеву обитель. Здесь Максим Грек принялся за привычное для него делание - перевод Псалтири.

В 1553 году государь Иоанн навестил старца в его келье. Этому предшествовало предостережение Максима, что если царь откажется внять его совету и немедленно не утешит людей, осиротевших и овдовевших в результате похода на Казань, то царевич умрет. Царь не внял, и царевич действительно умер.

21 января 1556 года преподобный мирно почил о Христе.